

Л.А. Маркова

Полисубъектность как основа общения

Такие понятия как диалог, интерсубъективность, коммуникация в философии XX в. стали одними из наиболее часто употребляемых и формирующих основания многих философских систем. И эти системы, в свою очередь, определяют лицо философии прошлого века в её противостоянии (в её диалоге, точнее будет сказать) с философией Нового времени.

В нововременной логике, ориентированной в первую очередь на классическое научное мышление, нет места проблеме межсубъектного общения в любом его виде, будь то диалог, интерсубъективность или коммуникация. Дело в том, что в этой логике субъект один, и общаться ему не с кем каким бы то ни было образом. Напомню некоторые тезисы из философии Декарта, одного из основоположников нововременного, классического мышления.

Он пишет: «При изучении природы различных умов я замечал, что едва ли существуют настолько глупые и тупые люди, что они не способны ни усваивать хороших мнений, ни подниматься до высших знаний, если только направлять их по должному пути. Это доказывается следующим образом: если начала ясны и из них ничего не выводится иначе как при посредстве очевиднейших рассуждений, то никто не лишён ума настолько, чтобы не понять тех следствий, которые отсюда вытекают»¹. Другими словами, главное – это метод и умение им пользоваться.

¹ Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 308.

Методу можно обучить практически любого человека, большого ума для овладения методом не требуется. Нужны ещё и ясные начала, которые воспринимаются, как аксиомы, без доказательства, интуитивно. Субъект как чувствующий, мыслящий, осознающий себя как существующий – это интуитивно воспринимаемая предпосылка человека, осваивающего метод. Интуиция и дедукция – вот два действия разума, по мнению Декарта, «посредством которых мы можем прийти к пониманию вещей без всякой боязни обмана»². Создаётся аксиоматико-дедуктивный способ мышления, который нашёл своё наиболее полное воплощение в науке Нового времени.

Под истинными предпосылками, которые *каждый* может усмотреть умом, Декарт подразумевает убеждение человека, что он существует, что он мыслит, что треугольник ограничен только тремя линиями, а шар – единственной поверхностью и рядом других, столь же очевидных. Всё это любой человек может принять интуитивно. Каждый человек в своём мышлении должен стремиться к идеалу, который один и тот же для всех.

Субъект своей способностью мыслить представляет мыслящую субстанцию. А материальный мир как обладающий свойством протяжённости является субстанцией протяжённой. Субъект, познающий мир, один, и мир, познаваемый человеком, тоже один. По этому поводу Декарт пишет: «...не может быть многих миров, ибо... материя, природа которой состоит только в том, что она вещь протяжённая, занимает ныне все воображаемые пространства, где те или иные миры могли бы находиться...»³. Материя не обладает способностью мыслить, а мыслящая субстанция не обладает протяжённостью, они несовместимы и противостоят друг другу. Истина как итог познавательной деятельности *одного* субъекта, направленной на *один* мир, может быть только *одна*.

Научную революцию начала XX в. можно рассматривать как формирующую неклассическое мышление в естествознании, а также в философии. Поскольку философия Нового времени строилась во многом по образцу научного мышления, то такая его фундаментальная трансформация как революция не могла не стать одновременно причиной серьёзных перемен и в философском

² Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 84.

³ Там же. С. 359.

мышления. В то же время в рамках самой философии возникали новые проблемы, не решаемые прежними средствами. В результате сложилась ситуация, когда активному обсуждению подверглись незыблемые основания нововременного мышления, основания, которые ещё недавно воспринимались как не требующие обоснования, как нечто само собою разумеющееся. Я имею в виду три основных «столпа» классической науки: *один субъект, один мир, одна истина*. Именно они ещё Декартом были выдвинуты в качестве базисных оснований мышления, и отрицание хотя бы одного из них воспринималось как «разрушение до основания» всего мышления как такового.

Сама по себе возможность обсуждения этих начал, даже независимо от того, на чьей стороне находится тот или иной участник спора, свидетельствует о проблемности фундамента классической науки. Странники его прочности вынуждены обосновывать свою позицию, чего им не приходилось делать прежде. Более того, в целом ряде случаев они решаются на уступки своим оппонентам, что делает их позицию аморфной и менее убедительной. Чаще всего уступки касаются субъекта познания. Признаётся, что граница между субъектом и предметом перестаёт быть чёткой из-за того, что какие-то субъектные черты «на законных основаниях» включаются в получаемое научное знание. Субъектов много, поскольку субъектные черты индивидуальны. В противном случае всё опять свелось бы к одному субъекту. Однако если при этом продолжать утверждать, что предмет один и истина одна, то релятивизм неизбежен, возникает серьёзное логическое противоречие внутри позиции участника дискуссии. Нельзя не признать, что сторонники *неклассики*, которая, с их точки зрения, есть мышление принципиально иное, чем классика, часто попадают в логическую ловушку того же типа. А именно, они считают достаточным для обоснования своей позиции признание субъективных факторов в качестве элементов получаемого в науке знания, но не решаются утверждать, что и предмет эти факторы содержит, а значит, не только субъектов, но и предметов много, и истина как одна единственная под вопросом.

Всё дело, по-видимому, в том, что каждый тип мышления, и классический, и неклассический, представляет собой целостную систему, основанием которой служит *набор* базовых понятий.

Изъятие из этого набора одних элементов и сохранение других нарушает целостность мышления и приводит в большинстве случаев или к релятивизму, или к эмпиризму.

В настоящей статье не будут специально рассматриваться дискуссии по основаниям классического, неклассического, и постнеклассического мышления. На эту тему имеется много публикаций, и я буду исходить из того, что проблема существует, обсуждается и что уже можно говорить о результатах обоснования нового типа мышления. Эти результаты наиболее очевидны при рассмотрении философами места субъекта в мышлении и его характеристик. Разумеется, в анализе неклассического мышления, где доминирует отношение субъект–субъект, а не субъект–предмет, нельзя обойтись без понимания роли предмета. Это невозможно хотя бы потому, что неклассика приобретает свою логическую значимость только в диалогическом общении с классикой, как и наоборот. Новый способ мышления не выводится из предыдущего (мы помним проблему несоизмеримости у Т.Куна: прежние логические средства не работали), но вступает с ним в логические отношения нового типа, межсубъектные.

Межсубъектные отношения как основание нового типа мышления

Можно назвать три основных вида отношений между субъектами, которые специально анализировались философами прошлого века и в начале настоящего. Это отношения диалогические, интересубъективные, коммуникативные. Между ними, безусловно, существует разница, но есть и очень важная общая черта, а именно, все они базируются на предпосылке о наличии *многих* логических субъектов. Имеется определённая историческая последовательность появления этих философских систем, именно в том порядке, в котором я их перечислила: диалог, интересубъективность, коммуникация.

Специфика каждого из этих подходов определяется, в первую очередь, способом идеализации субъекта деятельности, вычленением тех или иных особенностей эмпирического человека, особенностей, которые востребованы именно для данной логической

структуры. Ведь и в классическом научном мышлении учёный как логический субъект обладает такой чисто человеческой способностью, как умение устранить все следы своей деятельности и себя как эмпирического существа из получаемых результатов. Чтобы знание было истинным, из всех эмпирически присущих учёному свойств выбирается именно это, его способность построить соответствующим образом эксперимент и сформулировать теоретические результаты как соответствующие предмету изучения, но отделённые от самого учёного жёсткой границей. В этом смысле и о знании в классической науке мы не можем сказать, что оно должно быть максимально освобождено от всего человеческого. Именно учёный ставит изучаемый предмет в экспериментальные условия, очень далёкие от привычных для него условий существования в природе или обществе. Человеческая деятельность неизбежно присутствует в получаемом результате. Однако это обстоятельство начинает осознаваться как значимое только из исторической перспективы XX в.

Диалог как основа логики

Первой формой логической полисубъектности во второй половине прошлого века стала *диалогика*. В её основание было положено различие между мышлением отдельных исторических эпох, таких как Античность, Средние века, Новое время. Для истории науки это означало отказ от двух параллельных историй – истории идей и социальной истории науки, каждая из которых развивалась по своим собственным законам. Новый тип мышления возникал на грани нового со старым из всей совокупности сопутствующих этому процессу условий, в число которых входили и возникшие на данный момент непреодолимые прежними логическими средствами проблемы в структуре научного знания, а также положение дел в культуре, философии, экономике, религии, в социальной структуре общества. Новое рождалось не дедуктивным выведением новых идей из старых, а его формированием в контексте, который содержит в себе не только научные составляющие. В результате возникали конфликтные отношения между рациональностью, например, Нового времени, и нарож-

дающимся мышлением XX в. Это обстоятельство зафиксировал Т.Кун в проблеме логической несоизмеримости фундаментальных научных парадигм.

В отечественной философии проблемы этого рода тоже активно обсуждались. Определённым итогом дискуссий на эту тему можно считать коллективную монографию, изданную под редакцией П.П.Гайденко, В.А.Лекторского, В.С.Стёпина «Рациональность на перепутье»⁴. Характерны сами названия глав этого издания. Вот некоторые из них: «Античный и новоевропейский типы рациональности: физика Аристотеля и механика Галилея» (П.П.Гайденко); «Форма и формула (ревизия платонистской философии математики в геометрии Декарта)» (В.Н.Катасонов); «Основоположения новоевропейской рациональности и проблема времени» (Д.В.Никулин); «Космология XX века: на пути к эпистемологическому сдвигу» (А.Н.Павленко) и др.

Диалогику (или логику культуры) как философию нового типа разрабатывал В.С.Библер в целом ряде своих трудов, прежде всего в книге «От наукоучения к логике культуры»⁵. Главное, считает Библер, чем определяется каждый тип мышления, это его *начала*. Но начало должно быть логически обоснованным, логично то, что обосновано логически. В противном случае начало не может быть логическим основанием последующего движения мысли. Диалог между философскими системами, между фундаментальными научными теориями есть спор логических начал, считает Библер. Но сам принцип начала парадоксален, и вот в каком смысле. Начало должно быть *исходным пунктом* данной теории, и вместе с тем оно должно быть *основанием* этой теории, лежащим *вне* её, вне логики. Только так можно избежать логического круга, и – добиться парадокса. Выход из положения Библер видит в том, что это внелогическое бытие должно быть понято как *другая* логика. В разные эпохи бытие понимается в разных формах актуализации. Познание – лишь одна из этих всеобщих форм. И именно в своей несводимости ни к одной из этих форм разумения бытие всё более полно воспроизводится в мышлении как нечто *вне-мысленное, вне-логическое*. Чем больше участников диалога, чем больше собеседников, «тем более несводим к той или иной логике бесконечно-

⁴ Рациональность на перепутье: В 2 кн. М., 1999.

⁵ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991.

возможный мир, тем более “колобок” бытия плотен, непоглощаем, загадочен, выталкиваем «во-вне» мысли»⁶. Философская логика диалога, полагает Библер, «актуализирует коренное разведение, расплюсование мышления и – бытия»⁷.

Но посмотрим на эту же ситуацию несколько иначе. Каждый новый собеседник диалога *изменяет* этот «колобок», этот мир во-вне логики, считает Бтблер. Но он изменяет его на свой лад, по-своему, подстраивает его под себя. Любая система «выбирает» из бесконечного разнообразия возможностей бытия изменяться именно те, которые соответствуют её формирующейся логической структуре. Происходит скорее не дальнейшее расплюсование мышления и бытия, а их совмещение. Проблемным становится и начало в его парадоксальности. Если *нелогикой* для каждой логической системы является *другая* логика, а таких других логик много, и общение с каждой из них даёт другой результат, то затруднительно говорить об однозначности логических начал данной конкретной системы, которые должны определять её особенность и своеобразие.

Не случайно Библер использует такое понятие, как «торможение». Оно обеспечивает в его системе защиту от ухода в бесконечность. Каждая логическая система обладает *бесконечным* количеством возможностей к общению и с прошлыми, и с будущими, как потенциальными, так и уже актуализированными собеседниками. Но если представить, что будут актуализированы все эти возможности всех систем, то между ними не останется никаких различий. Каждая индивидуализирующая ту или иную систему особенность неизбежно будет входить в число особенностей любой другой системы, у каждой из которых их бесконечно много. Поэтому Библер и предлагает остановить, затормозить процесс формирования новой логики на её общении с ограниченным числом участников диалога. Это, конечно, есть некоторый выход из положения, но проблема логической перспективы остаётся. В то же время, если «затормозиться» на индивидуальности и особенности каждого субъекта, и на том, что каждый из них трансформирует «колобок» бытия на свой манер, то рассуждать об увеличении противостояния субъект/предмет в лучшем случае можно, лишь предположив

⁶ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. С. 312.

⁷ Там же. С. 405.

существование *одного* логического субъекта. Для него, действительно, предмет будет усложняться актуализацией всё новых и новых, содержащихся в нём и прежде, но неизвестных ему, характеристик.

Диалогика Библера свидетельствует о том, что отказ от логики Нового времени даётся непросто и порождает свои проблемы. Вполне оправданные поиски всеобщности для логики приводят или к её обнаружению в едином бытии, мире, предмете (этого не избежал, на мой взгляд, Библер), или в той или иной форме единого субъекта, чего не избежали представители интерсубъективности и коммуникативизма.

Интерсубъективность и коммуникация как способы общения

Эти понятия часто используются исследователями как взаимозаменяемые, и для этого, безусловно, есть основания. Не будем вдаваться в тонкости их различия и останемся в русле принятого большинством порядка их употребления. По сравнению с диалогикой, эти понятия на порядок уменьшают масштабы участвующих в общении субъектов. Здесь речь не идёт о споре логических начал, об основах бытия, о разных культурах и исторических эпохах. Логически значимыми становятся такие понятия, как научное (или любое другое профессиональное) сообщество, лаборатория, племя, представители которого разговаривают на незнакомом нам языке, просто группа людей, беседующих друг с другом. Научное сообщество у Куна послужило своего рода образцом для многочисленных последующих социологических исследований науки. Вопросы, непосредственно относящиеся к индивидуальному человеку и особенностям его общения с *другим*, становятся широко дискутируемыми. Очевидным здесь становится отношение я–ты, а не я–предмет⁸.

⁸ Среди самых последних отечественных изданий на соответствующие темы можно назвать: под ред. И.Т.Касавина книги: Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход. М., 2009; Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М., 2010; Эпистемология. Перспективы развития / Под ред. В.А.Лекторского. М., 2012; Знание в социокультурном пространстве / Под ред. В.С.Стёпина. М., 2011.

Если в диалогике субъект рассматривается как создатель, автор философской системы, а сама система (теория, тип мышления) как *произведение*, созданное человеком, а не детерминированное предметом, то интересубъективность и коммуникация предполагают общение одного индивидуального человека с другим, тоже индивидуальным. Между тем возникает та же логическая трудность. Индивидуальность может формироваться бесконечным количеством воздействий на человека, и внешних, и внутренних. Но не все возможности такого влияния оказываются актуализированными, во всяком случае, одновременно. Один и тот же человек проявляет себя по-разному в разных обстоятельствах. *Условия*, в которых человеку приходится действовать, определяют тип его поведения и *ограничивают* его индивидуальность конкретным набором характеристик, обеспечивающих успех его поведения именно в этом контексте.

В диалогике обычно не возникает трудностей с определением внешних воздействий на научную деятельность. В их число, как правило, включаются культура, философия, религия, общественное устройство, другие особенности, примерно такого же масштаба, той или иной исторической эпохи. По умолчанию, как нечто само собой разумеющееся, принимается, что особенности характера, хорошие или плохие отношения с коллегами или домочадцами, детали жизненного пути и прочие «мелочи», характеризующие субъекта деятельности, не могут играть хоть сколько-нибудь решающей роли в создании нового типа научной рациональности, в трансформации *логических начал* научного мышления. Что касается интересубъективности, то исследования, проводимые в этом направлении, ориентированы скорее на case studies, на ситуации незначительные с точки зрения глобальных исторических перемен. В этом случае обсуждению подлежат условия, делающие возможным разговор на ту или иную тему, совсем не обязательно нацеленный на решение серьезных проблем.

То, что объединяет диалог, интересубъективность и коммуникацию, – это необходимость наличия *разных* субъектов. Субъектов должно быть много, как минимум два, и они должны отличаться друг от друга. Иначе никакой диалог, даже обычный разговор невозможны. Если, однако, эти субъекты *ни в чём* не будут похожи друг на друга, то общение тоже невозможно. Что-то общее должно

быть, хотя бы язык, правила формальной логики, которые необходимо соблюдать. Не случайно в последние десятилетия появились и стали широко использоваться такие понятия, как научное сообщество, жизненный мир, поле референции, семейное сходство, лаборатория и др. Такого рода понятия определяют некоторый контекст, объединяющий участников той или иной деятельности, дискуссии, разговора. У них появляется возможность понять друг друга. В научное сообщество объединяются учёные одной специальности, поэтому они могут спорить, обсуждать общие для них проблемы. Здесь эффект получается тот же, что и в диалогике Библера с бесконечным, в потенции, количеством возможных собеседников. Чтобы зафиксировать, оформить индивидуальность, необходимо «выбрать» из бесконечного количества элементов окружающего мира те, которые имеют отношение к наличной проблемной ситуации.

Наиболее обсуждаемым и трудным становится отношение индивидуальный–общий. Главное препятствие на пути решения этой проблемы сторонниками интерсубъективности является, с одной стороны, признание ими того факта, что на *другого* человека нельзя смотреть, как на предмет, он не предмет, а собеседник; с другой стороны, для них неприемлема мысль, что не только другой человек, но и любая вещь как предмет их познания приобретает субъектные черты, в результате чего как минимум стирается резкая граница между субъектом и предметом. Нет абсолютно индивидуальных вещей, не имеющих ничего общего, и нельзя рассматривать предмет как один и тот же для всех, изучающих его.

Попытка Ю.Хабермаса выйти за пределы монологики

Центральные проблемы нового типа мышления получили серьёзное развитие у Ю.Хабермаса, творчество которого широко обсуждалось и продолжает обсуждаться в последние десятилетия. Для него нет сомнения в том, что «парадигма познания предметов должна смениться парадигмой взаимопонимания между субъектами, способными рассуждать и действовать»⁹. Первую парадигму Хабермас называет субъект-центрированной. Вторую – коммуни-

⁹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 306.

кативной. Субъект познавательного мышления, считает Хабермас, утрачивает своё привилегированное положение. В новой парадигме субъект отказывается от позиции наблюдателя, который относится к мировым сущностям как объективно существующим, а также вырабатывает совершенно *иное* отношение к самому себе. Если отдаётся предпочтение осуществляемым вербальными средствами отношениям между субъектами, то исчезает альтернатива между сверхмировым положением трансцендентального субъекта и эмпирическим Я. «Говорящий и слушающий напрямую договариваются в этом мире по какому-либо вопросу и общаются в пределах их совместной жизненной сферы... Вербальная ситуация обусловлена ограниченной определённой темой частью жизненного мира. Эта тема формирует горизонт и одновременно выделяет ресурс культурных ценностей, из которого участники коммуникативного процесса в своих попытках объяснить заимствуют согласованные образцы объяснений»¹⁰.

Отметим, что, характеризуя общение, Хабермас вычленяет в качестве определяющей это общение жизненную сферу, из которой собеседники черпают общие для них, понятные каждому из них способы взаимопонимания. Другими словами, каждая конкретная, особенная, отличная от других жизненная сфера обеспечивает людей, формируемых ею в то или иное сообщество, общими для них средствами коммуникации. Однако, по его мнению, эта жизненная ситуация не только обеспечивает условия для общения-разговора, но и сама может меняться в зависимости от темы дискурса. Влияние взаимное. Это очень важный момент. В субъект-центрированном модерне (в терминологии Хабермаса) познавательная деятельность субъекта (одного трансцендентального субъекта) выдавала знание, которое зависело в своей значимости и истинности только от предметного мира. Субъект был один, все остальные субъекты были для него предметами, наряду с любой вещью окружающего мира. В логической структуре получаемого знания субъект познания и его деятельность отсутствовали.

Хабермас предлагает включить самого человека в логику мышления, человека как способного к общению, к разговору с другим, которого он признаёт себе равным. Это означает, что в его системе присутствует уже много субъектов, отличающихся друг

¹⁰ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 309.

от друга. Индивидуальность каждого из них и особенность, своеобразие общения в том или ином случае определяются жизненной ситуацией, контекстом, конкретными условиями. Далее перед Хабермасом возникает трудность: каким образом обеспечить связь между индивидуальными событиями общения, между разными жизненными мирами? И тут он тоже, как и многие другие, признающие неизбежность перехода к новому типу мышления, находит выход из положения в поисках *общего* начала индивидуальных событий. Приведу некоторые его соображения по этому поводу.

Хабермас считает необходимым подчеркнуть обязательное присутствие в мыслительной деятельности обоих типов разума. Он пишет: «Оперирующий в рамках коммуникативного действия разум ограничен не только внешними, вытекающими из конкретных ситуаций условиями; условия собственного осуществления вынуждают его раздваиваться, существовать в измерении исторического времени, социального пространства и телесно-ориентированного опыта. Содержащийся в словах разумный потенциал сплетён воедино с *ресурсами* всякий раз особенного жизненного мира»¹¹.

И несколько ниже: «...унифицирующее трансцендентальное сознание заменяют *конкретные* жизненные формы. В приобщении к культурным ценностям усваивается естественный тип поведения, интуитивно понятные солидарно-групповые действия и объявленные собственными ной-хау компетенции обобществлённых индивидов. Разум, выраженный в коммуникативном действии, способствует взаимопониманию, но только со слившимися в *особую* тотальность традициями, общественной практикой и всем комплексом телесного опыта»¹². Хабермас считает, что множественные особенные жизненные формы связаны друг с другом благодаря тому, что обладают общими структурами жизненных миров. «Эти общие структуры накладывают отпечаток на единичные жизненные формы, которые воспроизводятся только через ту среду, в которой происходят коммуникативные действия... Здесь и ключ к пониманию причин рационализации жизненного мира и постепенному высвобождению заложенного в коммуникативном действии разумного потенциала»¹³.

¹¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 335.

¹² Там же. С. 336.

¹³ Там же.

В субъект-центрированном разуме трансцендентальный субъект не обладает никакими индивидуальными свойствами. Этим он отличается от эмпирического субъекта. Впрочем, от эмпирического субъекта отличается *любой* разум, т. к. любой разум опирается на *идеализацию* тех или иных особенностей субъекта, но никогда не включает в свои логические структуры эмпирического человека. И едва ли можно согласиться с Хабермасом, что формирование коммуникативного разума каким-то образом влияет на соотношение эмпирического и логического в разуме субъект-центрированном. В коммуникативном разуме субъект уникален, индивидуален, только благодаря этому и возможно общение. В то же время это субъект *разума*, субъект *мышления*, что стирает, по мнению Хабермаса, жёсткую границу между ним и трансцендентальным субъектом. Чтобы общение было рациональным, полагает Хабермас, оно должно включать в себя общие для всех участников моменты, такие как общая культура, история, традиции, язык, биологические особенности человеческого организма и т. д. Собственно, не так уж важно, какие именно общие черты называет Хабермас, их можно назвать и больше. Главное, что они *общие*, что они делают людей похожими друг на друга. И такая похожесть, безусловно, необходима для взаимопонимания. Сходство, *обобщение* лежат в основе идеи трансцендентального субъекта разума Нового времени. Ведь этот субъект не совпадает, отличается от любого эмпирического человека потому, что вообще не обладает никакими индивидуальными чертами, которые позволили бы сравнивать его с кем бы то ни было. Если идти по пути обобщения, по пути, на который встал Хабермас, то о рациональности общения можно говорить только в том случае, если признать наличие в нём рациональности классического мышления.

Заключение

Это не значит, разумеется, что общение возможно без наличия общих характеристик у тех, кто вступает в разговор. Оба полюса, и индивидуальный, особенный, и общий, объединяющий участников коммуникации, всегда присутствуют в любом дискурсе. Но в логических конструкциях мышления доминирует один из них.

Второй рассматривается как маргинальный, уходит в подтекст, становится элементом контекста. Отсюда и всеобщность как необходимое свойство логики формируется по-разному и с неодинаковым результатом. Только в этом случае можно говорить о появлении нового типа разума. Принципы коммуникативного мышления (уникальность, особенность) и субъект-центрированного (общее, то, что объединяет) противостоят друг другу, они разные, и именно это обстоятельство позволяет нам говорить о двух разумах, двух логических парадигмах. Коммуникативное общение между индивидуальными событиями как отличающимися между собой, между индивидуальными людьми, каждый акт деятельности которых определяется определённой жизненной ситуацией, приобретают философский, логический смысл лишь в том случае, если такой же тип общения установлен и между соответствующими типами мышления, в нашем случае между субъект-центрированным и коммуникативным.

Библер начал с анализа диалогического общения между разными типами мышления, Хабермас – с коммуникативного общения между конкретными, уникальными жизненными мирами. Но если следовать ходу рассуждений Хабермаса и искать рациональность и логическую всеобщность в идеях обобщения Нового времени, то мы неизбежно вернёмся к субъект-центрированной философии и в анализе индивидуальных событий. Мы будем сводить их к некоторым общим основаниям – культуре, социуму, истории, биологическим особенностям человеческой природы и пр. Коммуникативный разум уступит место субъект-центрированному. Ведь ни один из этих типов мышления не отрицает *эмпирического* существования ни одного из двух полюсов человеческого общения: ни необходимости различий между субъектами, ведь иначе был бы только один человек и общение невозможно; ни необходимости общих начал, без которых – полная изоляция индивидуальных, ничем между собой не связанных людей, общение опять невозможно. Но в каждой логике идеализируется, разрабатывается только один полюс, второй остаётся в контексте.

Всеобщность как свойство логики в коммуникативном мышлении состоит, по-видимому, в том, что идеализируется такая черта каждого человека как его индивидуальность, а значит, его способность к общению, поскольку любой другой человек отличается от

него и может быть его собеседником (с двойником, как и с предметом, общаться невозможно). Но это общее всем людям свойство в каждом человеке проявляется по-своему. Общее проявляется через индивидуальное, но уже не как общее, а как окрашенное особенностями каждого участника коммуникации, и это главное. В логической структуре коммуникации человек присутствует именно в таком своём качестве, и нельзя сказать, что здесь его меньше или больше, чем в логике Нового времени.